

Политическая теология и политика исключения в международных отношениях: историко-теоретический и прикладной анализ*

Political Theology and the Politics of Exception in International Relations:
Historical, Theoretical and Applied Analysis

А. ГАРИФУЛЛИНА, О. ИГНАТЬЕВА,
З. СИЗОНЕНКО

Гарифуллина Альбина Фатиховна, канд. полит. наук, доцент кафедры государственного управления ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (УУНиТ). E-mail: ooo.sno@mail.ru

Игнатьева Оксана Николаевна, канд. соц. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой государственного управления УУНиТ. E-mail: 2tov_@mail.ru

Сизоненко Зарина Лероновна, канд. соц. наук, доцент кафедры государственного управления УУНиТ. E-mail: marian01@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию политической теологии и феномена «политики исключения» в международных отношениях. Авторы показывают, что ключевые категории современной политической практики – суверенитет, верховенство права, исключение – сохраняют теологические основания, влияющие на динамику глобального порядка. Методологическая база исследования сочетает историко-генетический, сравнительно-политический и концептуальный анализ. На материале кейсов, включая гуманитарные интервенции в Косово и Ливии, демонстрируется, что исключение является структурным элементом политического порядка, но его легитимность зависит от механизмов самосвязывания и институциональных ограничителей. Сделан вывод о том, что воспроизведение теологических аналогий в секулярном контексте порождает риски нормализации произвольного применения силы, что требует институционализации механизмов контроля, пропорциональности и временной ограниченности исключительных мер.

Ключевые слова: политическая теология, политика исключения, международные отношения, суверенитет, легитимность, гуманитарная интервенция, чрезвычайные меры, глобальный порядок.

Abstract. The article explores political theology and the phenomenon of the «politics of exception» in international relations. The authors argue that key categories of modern political practice – sovereignty, the rule of law, and exception – retain theological foundations that continue to shape the dynamics of global order. The methodological framework combines historical-genetic, comparative-political, and conceptual analysis. Drawing on case studies such as humanitarian interventions in Kosovo and Libya, the research demonstrates that exception is a structural element of political order, but its legitimacy depends on mechanisms of self-limitation and institutional constraints. The study concludes that the reproduction of theological analogies in a secular context generates risks of normalizing the arbitrary use of force, which calls for institutionalized mechanisms of accountability, proportionality, and temporal limitation of exceptional measures.

Key words: political theology, politics of exception, international relations, sovereignty, legitimacy, humanitarian intervention, emergency measures, global order.

Введение

Актуальность исследования определяется как теоретической значимостью политической теологии для анализа международных отношений, так и практической необходимостью

* Ссылка на статью: Гарифуллина А.Ф. Политическая теология и политика исключения в международных отношениях: историко-теоретический и прикладной анализ / А.Ф. Гарифуллина, О.Н. Игнатьева, З.Л. Сизоненко // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 6. С. 227–231. DOI: 10.34773/EU.2025.6.39.

переосмысления основ международно-правового порядка в условиях кризиса доверия к институтам глобального управления [8]. Практика показывает, что «политика исключения» – от операции НАТО в Косово (1999) до применения доктрины «Responsibility to Protect» в Ливии – становится нормой, оправдываемой ссылками на универсальные ценности, но выходящей за пределы установленных норм [7]. В научной литературе отмечается, что ключевые категории международных отношений (суверенитет, исключение, верховенство права) сохраняют теологические корни: концепция К. Шмитта, интерпретации А.В. Малькова, анализ А.С. Панарина и работы В.В. Лапкина показывают сакральное измерение власти [3; 5; 7]. Однако, как подчеркивает М.М. Лебедева, политическая теология остаётся во многом фрагментарной [4]. Современная интерпретация исключения утратила присущие теологическому оригиналу нормативные ограничения, что в условиях плюралистической среды смещает акцент к «суверенному Я», усиливает риск произвольного применения силы и ведёт к эрозии универсальных норм.

Цель настоящего исследования заключается в раскрытии потенциала политической теологии для анализа международных отношений через выявление исторической трансляции теологических категорий в политическую сферу и оценку их актуальности для современного миро-порядка. Для достижения цели, во-первых, предстоит провести углубленный теоретический анализ оснований политической теологии, уделяя особое внимание концепту К. Шмитта и его современным интерпретациям. Во-вторых, необходимо проследить историческую эволюцию категорий «суверенитет» и «исключение» – от средневековых представлений о божественной власти и самоналоженных ограничениях до современных политико-правовых конструкций. В-третьих, требуется рассмотреть конкретные примеры применения политики исключения в международных отношениях, выявив их соответствие или расхождение с теологическими прообразами. Наконец, важным является оценка возможностей и пределов применения политико-теологического подхода в условиях глобальной секуляризации и культурного многообразия, когда универсальные основания политического порядка подвергаются постоянному пересмотру.

Методы

Методологическая основа исследования строится на междисциплинарном подходе, объединяющем концептуальный инструментарий политической теологии с историко-генетическим и сравнительно-политическим анализом. Теоретическим каркасом выступают идеи К. Шмитта, концепция А.В. Малькова об исключении, а также интерпретации А.С. Панарина и В.В. Лапкина, раскрывающие сакральное измерение суверенитета [3; 5; 7]. Историко-генетический метод позволяет проследить эволюцию понятий «суверенитет» и «исключение» от средневековой политико-теологической традиции до их современной секулярной трактовки, выявив влияние трансформации мировоззренческих оснований на восприятие исключительных полномочий. Сравнительно-политический анализ применяется для сопоставления теологических прообразов исключения с их современными аналогами в международной практике на примере Косово, Ливии и дискуссий о допустимости пыток [2], что позволяет определить элементы, сохраняющие теологическую логику, и те, что подверглись эрозии. Концептуальный анализ категорий выявляет глубинные структуры, унаследованные от религиозных моделей, и их адаптацию в секулярном дискурсе, тогда как структурно-функциональный подход показывает, как эти категории встроены в институциональные механизмы международных отношений и влияют на устойчивость мирового порядка. Комплексное сочетание указанных методов обеспечивает как реконструкцию истоков и сопоставление моделей, так и оценку их актуальности для анализа современных политических процессов.

Результаты

Теоретическая реконструкция показала, что политическая теология продуктивна там, где осуществляется «перевод» теологических смыслов в язык политики [1]. Ключевым механизмом выступает аналогия между божественным и человеческим порядками: через неё осмыслились суверенитет, границы закона и допустимость исключения. У Шмитта исключение понимается как «юридическое чудо», различимое лишь при сопоставлении «теологического оригинала» и

«политического деривата». Средневековая дистинкция между абсолютной и ординарной властью выявила связку свободы и самосвязывания [2; 6]: Бог, будучи всемогущим, добровольно ограничивает себя законом и обетами, что в политико-правовой мысли Нового времени трансформировалось в принцип: суверен может действовать «вопреки порядку», но лишь в рамках разума и высшего закона. Таким образом, в теологической матрице исключение встроено в систему самосдерживания власти. Секулярный сдвиг в международных отношениях разорвал эту связку: «суверенное Я» легитимирует исключение на основе собственных постулатов («общая человечность» и др.), которые конкурируют и не поддаются рациональной верификации. В результате исключение превращается в инструмент произвольного действия, что свидетельствует о деградации механизма самосвязывания. Эмпирический анализ подтвердил силу политико-теологической оптики: операция НАТО в Косово стала примером «секулярного чуда» – действия вне Устава ООН, охарактеризованного как «незаконное, но легитимное» [5], где апелляция к высшему благу заменила прочное основание божественного самообязания, породив дискуссии о «легитимности без законности».

В дискуссии о допустимости пыток в «войне с терроризмом» проявляется тот же механизм: несмотря на запрет *jus cogens*, сторонники апеллируют к спасению народа и логике крайней необходимости, то есть к «высшему благу», приостанавливающему правило. Политико-теологический анализ фиксирует разрыв с исходным образом: если в теологической модели абсолютная власть подчёркивала требование добра и строгие ограничения, то в секулярной отсутствие трансцендентного эталона облегчает подмену «добра» утилитарной безопасностью, что ведёт к нормализации исключения. Исторические кейсы подтверждают, что исключение не патология, а постоянный элемент правопорядка: разделы Речи Посполитой трактовались как средство управления системными сдвигами, а доктрина *rebus sic stantibus* институционализировала отступление от договоров при изменении обстоятельств. Таким образом, правило и исключение образуют единую структуру: норма неизбежно рождает поле её проверки и временного отступления; вопрос заключается не в наличии исключения, а в его ограничении и обосновании. Особенно показательна риторика «общей человечности» в рамках «Responsibility to Protect»: она мобилизует, но остаётся уязвимой, поскольку представляет собой постулат, а не верифицируемую истину. Без механизма самосвязывания – чётких пределов, процедурных фильтров и подотчётности – такое «чудо» легко превращается в инструмент произвольной силы.

Синтез результатов теоретической и кейсовой частей уточняет условия непревращения исключения в произвол. Во-первых, необходима реконструкция источника нормативности, который замещает утраченный теологический эталон: если «добрь» выводится из постулата, требуется публичный механизм проверки пропорциональности и необходимости, способный выполнять роль «самообязания», а не только декларации целей. Во-вторых, требуется юрисдикционный каркас,держивающий исключение в границах компетенции и не допускающий экстерриториального размывания ответственности. В-третьих, нужны повторно подтверждаемые критерии возврата к обычному правопорядку; иначе исключение утрачивает черту временности и становится новой нормой. Такие требования прямо следуют из выявленной в исследовании логики перевода: там, где исчезает совершенное благо как источник самосвязи, его функциональный эквивалент должен быть создан институционально, иначе «абсолютность» в политике неизбежно дрейфует к произволу.

Наконец, расширение горизонта за пределы христианской матрицы показало потенциальные пути преодоления евроцентризма в политико-теологической оптике. Примеры из исламской интеллектуальной традиции, где приоритет божественной воли у аль-Газали противостоит рационализму Ибн Сины, демонстрируют параллельные генеалогии «исключения» и самосвязывания в иных религиозно-философских контекстах, что открывает перспективу межтрадиционального сравнения, способного лучше калибровать критерии допустимого исключения в плюралистическом мире и тем самым усилить аналитическую и нормативную валидность подхода.

В совокупности результаты подтверждают первоначальную гипотезу о том, что политическая теология даёт ключ к обнаружению скрытых нормативных допущений современной

практики международных отношений и предоставляет инструменты различия «чрезвычайного» как средства сохранения порядка от произвола, маскируемого риторикой высших ценностей. Практическая значимость состоит в том, что, переводя требование теологического самосвязывания в процедуры публичной подотчётности, пропорциональности и временной ограниченности, можно минимизировать структурную произвольность исключения, не устранив его неизбежности в право- и мироустройстве. Следующий раздел – «Обсуждение и выводы» – обобщит полученные результаты, определит их ограничения и предложит направления дальнейших исследований (включая межконфессиональные сравнения и операционализацию критерии самосвязывания для оценки будущих кейсов).

Обсуждение

Анализ показал, что политическая теология выступает не только исследовательским подходом, но и инструментом выявления скрытых нормативных структур, продолжающих определять логику международной политики в условиях глобальной секуляризации. Историко-генетический метод позволил показать, что современные концепции суверенитета и исключения связаны с теологическими моделями, где абсолютная власть мыслилась как ограниченная божественным благом и самосвязыванием. Ключевое различие между теологическим и секуляризмом пониманием исключения заключается в том, что в религиозном контексте чрезвычайное действие оправдывается высшим порядком, тогда как в современном – постулатами («общая человечность», безопасность и др.), истинность которых зависит от консенсуса и политического баланса. Кейсы Косово и Ливии показали, что апелляция к универсальным ценностям мобилизует, но без процедурных ограничителей остаётся уязвимой к манипуляциям и подрывает доверие к международному праву. Сделаны три вывода: исключение является структурным элементом любого порядка и его легитимность зависит от механизмов самосвязывания; секуляризация ослабила нормативную устойчивость исключительных решений; политико-теологический анализ позволяет разрабатывать институциональные эквиваленты утраченных ограничений (юрисдикционные рамки, подотчётность, принцип пропорциональности, временные пределы). Ограничением исследования является акцент на христианской традиции, тогда как сравнение с иными религиозными культурами остаётся перспективным направлением. Научная новизна заключается в интеграции политической теологии в международные отношения как источника нормативной глубины, а практическая значимость – в возможности использовать выявленные механизмы при разработке норм международного права и доктрины гуманистического вмешательства.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что политическая теология не только сохраняет научную актуальность как теоретический подход, но и обладает значительным прикладным потенциалом для анализа и регулирования международных отношений в условиях глобальной секуляризации и культурного плюрализма. Реконструкция исторических оснований понятий суверенитета и исключения выявила, что их современное понимание по-прежнему опирается на унаследованные от теологической традиции смысловые структуры, хотя и в трансформированном виде. Потеря трансцендентного источника обязательности привела к тому, что исключительные меры в международной политике всё чаще легитимируются временным консенсусом или политической целесообразностью, что повышает риск их произвольного применения.

Главный вывод состоит в том, что исключение – не отклонение от нормы, а её функциональный элемент, который может служить как сохранению, так и разрушению порядка. Теологический прообраз содержал встроенные механизмы самосвязывания власти, обеспечивавшие предсказуемость и ограниченность чрезвычайных действий. В современном секуляризмом контексте аналогичные механизмы должны быть воспроизведены институционально – через нормы, процедуры и системы контроля, которые выполняют роль внешнего, обязательного для суверена критерия.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов для совершенствования международно-правовых и политических механизмов регулирования исключительных полномочий. На основе проведённого анализа предлагаются следующие рекомендации:

1. Институционализация механизма самосвязывания власти – разработка в международном праве обязательных процедур, ограничивающих применение исключительных мер и закрепляющих условия их допустимости (чёткие критерии угрозы, пропорциональности, временной ограниченности).

2. Юрисдикционная определённость – установление пределов действия исключительных полномочий, исключающих их произвольное распространение на ситуации, не соответствующие изначальным целям (например, гуманитарная интервенция только при подтверждённых массовых нарушениях прав человека).

3. Прозрачность и подотчётность – введение процедур постфактум-отчётности перед международным сообществом с обязательным представлением обоснования применённых мер и их последствий.

4. Кросс-культурная легитимация – учёт политico-теологических традиций различных культур и религий при формировании универсальных стандартов, что повысит их восприятие в многообразной международной среде.

5. Закрепление принципа возвратности к норме – исключительные меры должны содержать встроенный механизм автоматического прекращения действия после устранения причины их введения, чтобы исключение не становилось новой нормой.

В перспективе дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на сравнительном анализе политico-теологических оснований в христианской, исламской, иудейской, буддийской и индуистской традициях. Такой подход позволит глубже понять, какие культурно-нормативные механизмы способны выполнять роль «внешнего критерия» для ограничения суверенной воли, и адаптировать эти механизмы к условиям современного международного права. В итоге интеграция политico-теологического анализа в дисциплину международных отношений способна повысить предсказуемость и устойчивость глобального правопорядка, обеспечив баланс между необходимостью реагирования на кризисы и защитой от произвола власти.

Литература

1. Верников А.В., Курышева А.А. Правда ли, что национальные экономические традиции тормозят развитие? (институциональный подход) // Экономическое возрождение России. 2024. № 2(80). С. 122–140. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-122-140.
2. Капустин Б.Г. Политическая философия и социология политики. М.: Прогресс-Традиция, 2019. 320 с.
3. Лапкин В.В., Пантин В.И. Политическая модернизация и цивилизационные циклы. М.: РОССПЭН, 2010. 432 с.
4. Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2021. 448 с.
5. Малько А.В. Политico-правовые режимы: проблемы классификации и современного развития. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 352 с.
6. Мотрошилова Н.В. Философия и власть: от сакрального к рациональному. М.: ИФ РАН, 2018. 280 с.
7. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 368 с.
8. Юдин Н.В. Ключевые понятия политической теологии Карла Шмитта: суверен, решение, чрезвычайное положение // Гуманитарные ведомости Тульского ГГПУ им. Л.Н. Толстого. 2024. № 1(49). С. 17–27. DOI: 10.22405/2304-4772-2024-1-1-17-27.